

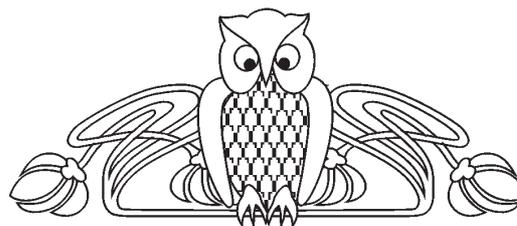

УДК 821.161.1.09-3+929 [Пришвин+Солженицын]

ЛАГЕРНАЯ ТЕМА А. СОЛЖЕНИЦЫНА И М. ПРИШВИНА

Р. А. Соколова

Рязанский государственный университет
E-mail: r.sokolova@rsu.edu.ru

В статье рассматривается тема ГУЛАГа на материале рассказа Александра Исаевича Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и романа Михаила Михайловича Пришвина «Осударева дорога». Главные герои писателей, находясь в заключении, остаются свободными людьми. Простые люди, носители народной нравственности, пронесут через испытания свою душу чистой, они терпеливы и трудолюбивы, не участвуют во зле, остаются внутренне свободными в обстановке несвободы, сохраняя свое имя и родину.

Ключевые слова: А. И. Солженицын, М. М. Пришвин, лагерная проза.

Labour Camp Theme for A. Solzhenitsyn and M. Prishvin

R. A. Sokolova

In the article the author considers Gulag theme on the material of A. I. Solzhenitsyn's short story «One Day in the Life of Ivan Denisovich» and the novel by M. M. Prishvin «Tsar's Road». The main characters of both writers remain free people despite their imprisonment. Common people, bearers of public morals, kept their souls pure through hardships, they are patient and hard-working, they abstain from evil, remain internally free in the atmosphere of the absence of freedom, preserving their name and their motherland.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, M. M. Prishvin, labour camp prose.

А. И. Солженицын и М. М. Пришвин знали, что «с коммунистами нельзя говорить: 1) о Боге, 2) о смерти и “Том свете”, 3) о дурных явлениях нашей общественной жизни (столкновении поездов, заключенных, безработице и т. п.)»¹, но не могли перешагнуть через трагедию заключенных в советской стране. Один забыл, что он мастер детских рассказов и певец природы, написал роман «Осударева дорога» о строительстве эсками Беломорско-Балтийского канала имени И. В. Сталина. Другой, покоренный пришевской темой природы, писавший Н. Решетовской в 1948 г.: «Прочти “Фацелию” Пришвина – это поэма в прозе, написанная с задушевностью Чехова и русской природы, – ты читала ли вообще Пришвина? Огромный мастер. В этой “Фацелии” очень красиво проведена мысль о том, как автор... самое красивое и ценное в своей жизни только потому и сделал, что был несчастлив в любви»², стал повествовать об «одном дне» заключенного.

В основу «Осударевой дороги» Пришвина были положены материалы его поездки на Север страны в 1933 г., рассказавшие о знаменитой дороге, по которой «Петр ехал... и за ним везли виселицу», чтобы он смог проташить свои фрегаты

из Белого моря в Балтийское³; теперь эта дорога оказалась на дне озера. Автор создал пять редакций романа, читателю знаком вариант 1948 г., который он завещал издать с эпитафией «Аще сниду во ад, и Ты тамо еси», но этот эпитафия не был опубликован.

Пришевский ГУЛАГ не приняли немногочисленные читатели рукописи. Жена писателя – Валерия Дмитриевна, прошедшая советские тюрьмы и ссылки, сказала: «Ты дерзнул без Вергилия странствовать по аду»⁴. Власти предпочитали не вспоминать об использовании принудительного труда. «Допускаю, что нынешние правящие коммунисты могут быть смущены моим романом и спросить: как же это так вышло, что принудительный труд, укрываемое и переживаемое преступление, может стать предметом восхищения поэта»⁵, – писал Пришвин, который был не в силах забыть о гулаговском аде и попытался найти из него выход. О братьях-писателях, восхищавшихся его «зверскими» рассказами, автор вспоминал, что «все они опасаются, не примажусь ли я к большевикам»⁶, сочиняя общественный роман. Самая несправедливая оценка пришевской книге принадлежит писателю О. Волкову: «Думаю, что никто из перемальваемых тогда в жерновах ГУЛАГа не вспомнит без омерзения книги, брошюры и статьи, славившие «перековку трудом». И тот же Пришвин, опубликовавший «Осудареву дорогу», одной этой лакейской стряпней перечеркнул свою репутацию честного писателя-гуманиста»⁷.

Солженицын, в отличие от Пришвина, писательские поездки в лагеря не планировал, без них знал, что «на двести граммах [хлеба] Беломорканал построен»⁸.

Пришвину и Солженицыну трудно было рассказать о трагедии русской жизни: их вытаскивали из современности. У Солженицына – исправительно-трудовые «перековки», ссылки и несостоявшиеся публикации. Пришвин с трудом напечатал книгу «Фацелия» и записал об этом в Дневнике: «“Фацелия” не пришлась по вкусу ЦК, потому что она содержит в себе декларацию личности»⁹. Писатель так и не увидел опубликованными книги: «Повесть нашего времени», 1957; «Осударева дорога», 1957; «Мы с тобой», 1990. Хотя власть дала ему в 1943 г. орден Красного Знамени в связи с семидесятилетием, он понимал причину своего отстранения от современности: «К чему я стремлюсь в наше время в литературе

– противопоставить подлинность своей души, своего личного опыта дешевой литературе заданной темы: вместо этого я сам выхожу»¹⁰.

Наиболее полно борьба писателей за участие в современности, за подлинную литературу, за свой «выход» из «заданной темы» проявилась в их работе над лагерной прозой. Но анализ текстов позволяет определить еще одну важную тему, волновавшую художников. Тема лагеря становится для них темой о судьбе России, всего народа и о своей личной судьбе.

Пришвин писал: «На канале должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия»¹¹, «С этим каналом я, как писатель... сам попал на канал»¹². В книге он дает картину всей России: «Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие. Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тубетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские»¹³. Он представил иерархию строивших канал. Это начальники, которые имеют неограниченную власть над людьми: «Приедет тысяча человек, и мы всех их бросим в лес. И так, каждый день, тысячу за тысячей – в лес»; мужики – «олонецкие сплавщики», «смоленские грабари», «орловские, там вон рязанские», «неумелые степные люди», непривычные к лесу; урки – «великий пахан, домушники, шакалы, волчатники, медвежатники, мастера мокрого дела и самые мелкие ворюшки, мелкие люди – хорьки и мышата»¹⁴.

Солженицын через образы героев, указывая сроки их заключения, воспроизводит историю становления советской власти в России. Старый безымянный зэк Ю-81 «по лагерям да по тюрьмам сидит несчетно, сколько советская власть стоит, и ни одна амнистия его не прикоснулась» (98); бригадиры Кузёмин и Тюрин арестованы во время организации колхозов; сибиряк Ермолаев «за плен десятку получил» (96); Алешка с баптистами – «горюны: Богу молились, кому они мешали? Всем круговую по двадцать пять сунули» (111). Автор через воспоминания заключенных передает жизнь в русской деревне до коллективизации, как крестьяне ели «картошку – целыми сковородами, кашу – чугунками, а еще раньше, по-без-колхозов, мясо – ломтями здоровыми», рассказывает о последствиях «великого перелома», когда мужики, работая на земле, оказались в нищете, поэтому уходили в город на завод, или на торфоразработки, или рисовали по трафарету ковры.

В характеристике советского государства, согнавшего в лагерь всю страну, писатели подчеркивают его бесчеловечность и механичность. Пришвин пишет: «Вспоминаю, как в Кеми стрелок

убил заключенного при попытке бежать... Человечек тут не был, а только один механизм... В таком сцеплении всех, совершенно бесчеловечном, и происходит постройка канала»¹⁵. Он размышляет: «Коммунизм есть распространение законов механики на человеческое общество. – Так является один из планов... река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины... Согласно с этим механизмом и люди... под предлогом коммунизма становятся механизмом»¹⁶.

У Солженицына заключенные Экибастузского лагеря, размышляя о своих сроках и возможности их отбыть в лагере, говорят о механичности советской системы наказания: «Это полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А с сорок девятого такая полоса пошла – всем по двадцать пять, невзирая. Десять-то еще можно прожить, не околеет, – а ну двадцать пять прожить?!» (51). Время в лагере расплано по минутам: от подъема до отбоя, с обязательными утренними и вечерними проверками, пересчетом заключенных по головам, и все «объекты» счетных дощечек стремятся не нарушать механизм подсчета, потому что лишатся времени «уже не казённого, а своего»: времени на столовую, на получение посылки, на санчасть, парикмахерскую, баню (78).

Писатели, размышляя о трагической судьбе народа, в то же время хотели бы понять, что происходит с человеческой душой, с личностью человека в условиях ее столкновения с государством, жестко и рационально строящим прекрасное будущее.

Пришвин пишет: «Канал не так интересен со своей внешней, прямо скажу, – шегольской стороны, как с внутренней, со стороны создавшего его человеческого творческого потока: тут соприкасаешься с чем-то огромным. Едва ли хватит у меня сил взяться за этот материал, но я его чувствую, и совокупность заключенных этических проблем в материале “Войны и мира”, столь поразившая весь мир, в сравнении с тем, что заключено в создании канала, мне кажется не так уж значительной»¹⁷. По его мнению, что бы ни строило общество, личность живет по-своему, поэтому идее построения канала через «затопление острова»¹⁸, через «затопление» прошлого писатель противопоставляет жизнь людей, обретающих внутреннюю свободу. Он писал о главном герое романа: «Я хочу показать рождение нового сознания русского человека через изображение души крестьянского мальчика – помора»¹⁹. Мальчик Зуек (так поморы называли маленьких чаек) помог писателю понять самого себя, раздвоение своего внутреннего мира: «Один мир – это все, что мне самому хочется, другой мир... выступает как “надо”»²⁰. Его герой открывает государственное «надо», победу «всех» на строительстве: «Мы за большое дело взялись: лес рубят – щепки летят... острова будут затоплены»²¹. Он же различает человеческое «хочется», внутреннюю победу каждого. «Надо» и «хочется»

он соединит в «единого человека», в «простого хорошего человека, каких огромное большинство на земле», от которых зависит судьба всей России»²².

Счастье внутренней свободы Зук открывает в таких героях, как северные старообрядцы, принявшие «затопление» прошлого ради лучшей жизни людей на земле; бывший купец Алексей Семенович Волков, который в заключении сумел испытать радость свободной мысли и «непрерывно все расцветал и расцветал изнутри»²³. Зук вместе с ними «идет на общее дело», видит их счастье соединения «в одного человека»²⁴. Исследователь русской литературы, лауреат Солженицынской премии А. Н. Варламов, анализируя роман Пришвина, точно заметил, что «в роли капризного дитя, которому должно было перейти от изначального “хочется” к осмысленному “надо”, оказывался не только лирический герой, но и брошенный за колючую проволоку народ. Этому народу Пришвин сострадал, мечтая о его освобождении за счет внутреннего душевного усилия»²⁵.

Солженицын главным героем рассказа сознательно сделал рядового крестьянина – Ивана Денисовича Шухова, который уже восемь лет мыкается по лагерям, но продолжает жить по вековым мужицким правилами: честно трудится, не унижается из-за пайки, не доносит на товарищей. По Солженицыну, человеческое достоинство, свобода духа, устанавливаются в труде, поэтому характер его героя ярко вырисовывается в сценах работы. Иван Денисович творчески трудится каменщиком, печником, сапожником, всякий раз проявляя хозяйственный ум. «Но так устроен Шухов по-дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, чтоб зря не гинули», – говорят о нем сокамерники и посмеиваются: «Ну как тебя на свободу отпускать? Без тебя ж тюрьма плакать будет!» (75)

Изображая жизнь людей в лагере, писатели показывают стремление заключенных укрыться в своих бараках, чтобы принадлежать самим себе, найти мгновения свободы. В пришвинском бараке, называемым в лагере «конюшной», не только свершается «дальнейшее разграбление человека»²⁶, но и возможны победы на путях духовного сохранения личности. Идею о духовной победе человека на канале писатель воплощает в образе зека Волкова, у которого только одна «мысль, чтобы на каждом месте и во всякое время как бы нам лучше сделать», и с этой мыслью ему нигде, даже в заключении, нет «ни скуки, ни обиды и даже неволи», только радость «свободе своей»²⁷. Зук называет «конюшню» лагеря «Кашеевым царством», царством злобы, обиды, побоев, но при лунном свете зеки в бараке обретают свободу от Кашея, живут своей тайной жизнью: здесь молятся татарин, китайцы, русский²⁸.

У Солженицына лагерники торопятся в барак, который они называют «домом». Здесь Иван Денисович всегда встает по подъему, за полтора часа

до развода, он ценит один час после пересчета лагерников, потому что в это время «становится свободным человеком», который может подработать, чтобы приобрести табак и кусок хлеба, поговорить о вере с Алёшкой-баптистом, вспомнить о семье (111–112).

В пришвинской «конюшне» зеки рассуждают: «Не канал – цель легавых, а ненависть к свободному человеку», «канал – это придумка, это предлог, чтобы замучить и покончить с человеком свободным, это фикция»²⁹. Но главные герои Пришвина и Солженицына не думают о свободе, они и в заключении, и на воле всегда будут свободны, так как лагерная жизнь не изменила их внутреннего мира. Их задача не в том, чтобы стать вольными, а в том, чтобы и в бесчеловечных условиях остаться людьми. Пришвинский старик Волков живет «счастливым чувством победы» над взорванной скалой, и «будто он даже счастливее всех»³⁰. Солженицынский Иван Денисович «уж сам не знал, хотел он воли или нет», потому что день был удачный: в карцер не посадили, табачку он купил, «прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый» (114).

Счастье таких людей в том, что каждый из них не перестал быть человеком, остался верным своей системе ценностей, хотя победила советская идея покорения природы и человека ради социалистического строительства жизни. Однако писатели воспринимают замысел устройства новой жизни за счет обычных людей как насилие и жестокость. Солженицын, оценивая день своего героя, говорит о бесконечности заключения: «Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось» (114). Пришвин безжалостную победу «всех» над «каждым» передает через картины войны человека с природой. Он пишет, что «началась война у природы за свой вечный покой», и люди с самого начала понимали, что это будет война, поэтому организовались в «боевые части», и рабочие «стали называться каналармейцами», а конюшня – их «тылом»³¹.

В борьбе с природой советская власть реализовала свой замысел ее рационального устройства. Но герои писателей воспринимают эту победу как насилие над природой. В рассказе Солженицына говорится о постановлении Советского правительства о введении декретного времени: к поясному времени конкретной местности прибавлялся один час, с целью более рационально использовать светлое время суток. Иван Денисович задается вопросом: «Неуж и солнце ихим декретам подчиняется?» (50). Героям Пришвина побежденная природа предстает смертельным зрелищем: подлежащая затоплению деревня воспринимается «страшным кладбищем»; река, «перехваченная» камнями, видится в «мертвом поясе»³².

Жизнь природы и общества, воссозданная в произведениях о ГУЛАГе Пришвина и Солженицына, свидетельствует о том, что осударева

дорога русской истории способна ее исказить и уничтожить, но люди даже в неволе находят возможность быть свободными и творить добро. Простые люди, носители народной нравственности, пронесут через испытания свою душу чистой, они терпеливы и трудолюбивы, не участвуют во зле, оставаясь внутренне свободным в обстановке несвободы, сохраняя свое имя и родину.

Примечания

- 1 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». Из Дневников 1931–1952 гг. // Наше наследие. 1990. № 2. С. 81.
- 2 Пришвин М., Пришвина В. Мы с тобой : Дневник любви / подгот. текста и коммент. Л. Рязановой. М., 1996. С. 346.
- 3 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». С. 74.
- 4 Там же. С. 35.
- 5 Там же. С. 79–80.
- 6 Там же. С. 74.
- 7 Волков О. В. Погружение во тьму : Из пережитого. М., 1989. С. 168.
- 8 Солженицын А. Один день Ивана Денисовича // Солженицын А. Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. Рассказы и крохотки. М., 2006. С. 48. Далее ссылки в тексте даются на это издание с указанием страниц в скобках.
- 9 Архив В. Д. Пришвиной. Дневник М. М. Пришвина. Запись от 23.11.1941.

- 10 Там же. Запись от 14.01.1951.
- 11 Пришвин М. Леса к «Осударевой дороге». С. 68.
- 12 Там же. С. 67.
- 13 Пришвин М. Осударева дорога // Пришвин М. Собр. соч. : в 8 т. Т. 6. М., 1984. С. 61.
- 14 Там же. С. 55, 70, 111, 62.
- 15 Там же. С. 66.
- 16 Архив В. Д. Пришвиной. Дневник М. М. Пришвина. Запись от 01.09.1943.
- 17 Пришвин М. В краю непуганых птиц : онего-беломорский край. М. ; Л., 1934. С. 47–48.
- 18 Пришвин М. Осударева дорога. С. 99.
- 19 Там же. С. 6.
- 20 Там же. С. 8.
- 21 Там же. С. 40.
- 22 Там же. С. 98, 191.
- 23 Там же. С. 62, 109.
- 24 Там же. С. 105.
- 25 Варламов А. Пришвин. М., 2003. С. 391.
- 26 Пришвин М. Осударева дорога. С. 103, 107.
- 27 Там же. С. 65, 112.
- 28 Там же. С. 95.
- 29 Там же. С. 108, 111.
- 30 Там же. С. 109.
- 31 Там же. С. 105.
- 32 Там же. С. 145, 121.

УДК 821.161.1.09+929 [Солженицын+Угримов]

А. А. УГРИМОВ – КРИТИК ПЕРВОГО И ВТОРОГО ВАРИАНТОВ «НОБЕЛЕВСКОЙ ЛЕКЦИИ» А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский государственный университет
E-mail: ybartho@mail.ru

В статье автор обращается к изучению малоизвестной страницы в жизни и творчестве А. И. Солженицына, связанной с критикой первого и второго вариантов текста его «Нобелевской лекции», с которой, по просьбе писателя, выступил его сподвижник и друг А. А. Угримов.

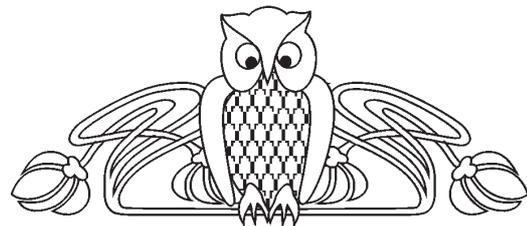
Ключевые слова: А. И. Солженицын, «Нобелевская лекция», критика, А. А. Угримов.

A. A. Ugrimov – the Critic of the First and Second Version of the «Nobel Lecture» of A. I. Solzhenitsyn

Yu. V. Varfolomeev

In the article the author addresses an unknown page in the life and oeuvre of A. I. Solzhenitsyn associated with the criticism of the first and second versions of the text of his «Nobel lecture», which, at the request of the writer, was made by his associate and friend A. A. Ugrimov.

Key words: A. I. Solzhenitsyn, critic, «Nobel Lecture», A. A. Ugrimov.

Нобелевская премия А. И. Солженицына является, безусловно, важным фактом биографии писателя. Официальная формула Нобелевского комитета, обосновывавшая присуждение ему премии, акцентировала внимание на этической доминанте его творчества, подчеркивая, что Солженицын удостоен этой высокой награды «за нравственную силу, с которой он продолжил традиции, присущие русской литературе». Писатель ждал и призывал эту премию, буквально «задумывал, вырывал у будущего», но она, по его признанию, «свалилась, как снегом весёлым на голову!»¹

На протяжении многих лет к истории создания и содержанию «Нобелевской лекции» прикован неослабевающий интерес ученых. И это не случайно, так как в ней сконцентрированы жизненная позиция и система взглядов писателя на литературу и искусство, роль, значение и ответственность в этом мире писателей и ученых. «Нобелиане» Солженицына посвятили свои работы Ю. Г. Гущин, А. Ю. Мусихина, А. В. Островский,